

Таинственное исчезновение Хань Цицина и его возвращение наутро — израненного и едва живого — не на шутку перепугало обитателей поместья Сун. Поползли слухи, будто в горах затаилось некое древнее зло, совладать с которым не под силу даже прославленному мастеру.

Поскольку Хань Цицин лежал без сознания, расспросить его о случившемся пока не представлялось возможным. Всем оставалось лишь ждать, когда он придет в себя, и надеяться на лучшее.

Тем временем в комнате Сун Сюаня Чжоу Тун внимательно осматривал каждый угол в поисках улики. Толстяк Дуань не солгал: ночью здесь действительно побывала нечисть. В воздухе все еще витал тяжелый, застойный холод — остаточный след потревоженной иньской энергии никак не желал рассеиваться.

Толстяк Дуань указал на пол у кровати:

— Да прямо здесь! Лежала, прижавшись к полу, только верхнюю часть тела приподняла и сверлила меня жутким взглядом. Волосы длинные, растрепанные, лицо бледное, будто мелом вымазанное... А как пасть раскрыла — мамочки, там зубы в три ряда, сплошные клыки! У меня чуть сердце не остановилось!

Чжоу Тун выслушал его и спросил:

— А кроме этого? Заметил еще какие-нибудь детали?

— Детали? — Дуань Чжэн призадумался. — Белое простенькое платье... Сама молоденькая совсем, на вид лет пятнадцать-шестнадцать, не больше. О, точно! — Толстяк хлопнул себя по лбу. — Она как будто отличалась от обычных призраков.

Сун Сюань уставился на него с невольным содроганием. Глядя на спокойствие Дуань Чжэна, можно было подумать, будто тот работает профессиональным ловцом привидений.

— И в чем же отличие? — спросил Чжоу Тун.

— Да как сказать... — Верное слово крутилось на языке, но никак не давалось. Дуань Чжэн в досаде поскреб макушку. — Просто ощущение другое. Не похожа она на обычную нежить. Какая-то... слишком плотная, осязаемая.

Чжоу Тун промолчал.

За долгие годы дружбы он научился безошибочно переводить сумбурные излияния Толстяка

Дуаня на нормальный язык. Судя по описанию, гостя застряла где-то на границе между живым человеком и выходцем с того света, причем к призрачной ипостаси она все же была ближе.

Что же это могло быть?

«Неужели отделение души от тела?» — возникла мимолетная догадка. Но не видя гостью своими глазами, делать выводы было рано.

Он повернулся к хозяину комнаты:

— Сюань, сколько раз ты видел ее за последнюю неделю?

— За эту неделю... — Сун Сюань принялся загибать пальцы. — Пожалуй, это третий раз.

Тут его словно осенило, и он взволнованно хлопнул в ладоши:

— Пойдите! Кажется, она приходит строго по определенным дням — по понедельникам, средам и субботам! Да и прислуга, которая божилась, что видела привидение, упоминала те же дни: понедельник, среду и пятницу.

Толстяк Дуань саркастически закатил глаза:

— Расписание у нее, что ли? Прямо как рабочий график: сутки через двое, а в воскресенье законный выходной и дежурство по графику?

Сун Сюань лишь растерянно захлопал глазами, не зная, что ответить.

— Ладно, разберемся, — прервал их Чжоу Тун.

Сведений пока не хватало для четких выводов, но зацепку стоило запомнить. Сегодня как раз было воскресенье. Значит, завтра, в понедельник, он останется в усадьбе и лично подкараулит ночную гостью.

— Пойду навещу Хань Цицина, — сказал Чжоу Тун, попытавшись немного успокоить взвинченного Сун Сюаня.

Поскольку старая госпожа Сун нуждалась в постоянном медицинском присмотре, в поместье дежурил семейный врач. Именно он и обработал раны Цицина.

Осмотрев повреждения коллеги, Чжоу Тун пришел к выводу, что тот легко отделался. Самой

серьезной травмой оказалась глубокая ссадина на затылке — судя по всему, в горах Цицин действительно попал под камнепад, и шальной булыжник прилетел ему точно в голову. Никаких следов прямого нападения злых духов на теле не обнаружилось.

Но рановато было радоваться. Чжоу Туна беспокоило другое: над Хань Цицином уже давно сгустились невидимые тучи. С самой первой их встречи темный след проклятия тянулся за ним по пятам, и с каждым днем это зловещее знамение становилось все отчетливее.

Этому человеку на роду было написано пройти через суровое испытание. Судя по возмущениям ауры, роковой час расплаты уже наступил. В чем именно заключалось предначертанное испытание, как оно отразится на окружающих и каким способом его преодолеть — Чжоу Тун пока не имел ни малейшего представления. Ему вспомнился призрачный женский силуэт, замеченный рядом с Цицином несколько дней назад. Чутье подсказывало: разгадка кроется именно здесь.

В гостевой спальне по-прежнему царила тишина. Пострадавший лежал на постели без чувств, с плотно перебинтованной головой. Игла капельницы была закреплена на его запястье пластырем. Даже в забытии Цицин не находил покоя: он болезненно хмурился, а тело его то и дело сотрясала мелкая дрожь.

Из подвески на шее Чжоу Туна бесшумно скользнула темная тень. Описав плавный круг над лицом раненого, Лин Юань устроился рядом с юношей и высокомерно произнес:

— Можешь не ломать голову. Я прекрасно знаю, какая дрянь к нему прицепилась.

— И какая же? — Чжоу Тун повернул к нему голову.

Лин Юань на мгновение замер, а затем протянул:

— Попроси меня хорошенько, и я, так и быть, скажу.

— Детский сад, — Чжоу Тун закатил глаза.

Лин Юань оскорбленно промолчал.

— Да в общем-то не очень и хотелось, — ровным тоном добавил Чжоу Тун. — Самому распутать это дело куда интереснее.

— Неужели тебе совсем его не жаль?

— Разумеется, я хочу ему помочь, — пожал плечами Чжоу Тун. — Но меня больше занимает природа этой силы. Ни добрая, ни злая, ни праведная, ни порочная... И что самое забавное, он

сам этой энергии даже не замечает. Действительно любопытно.

— Это застарелая обида, — пояснил Лин Юань. — Но обида непростая. В юности твой приятель наверняка связал себя каким-то обещанием, которое впоследствии нарушил. Обманутая душа затаила злобу и оставила на нем метку своей досады. Сама по себе эта мелочь вреда бы не принесла, но, судя по всему, позже произошло нечто ужасное. Теперь эта обида переросла в лютую, всепоглощающую ненависть. К тому же тот, кому Хань Цицин давал клятву, определенно перестал быть человеком. Обычный смертный, даже самый обозленный, не смог бы пробить защиту мастера такого уровня.

— Ты уверен в этом? — нахмурился Чжоу Тун.

— Девять против одного, — бесстрастно отозвался Лин Юань. — Не веришь — проверь его мизинец. Если на подушечке красуется красная отметина, значит, я прав.

Чжоу Тун приподнял одеяло, взял руку больного и перевернул ее ладонью вверх. На внутренней стороне правого мизинца и впрямь алело крошечное пятнышко размером с бусину.

Лин Юань не ошибся.

Это была печать застарелой, гноящейся обиды.

Злоба и обида — субстанции непредсказуемые. Мелкие невзгоды рассеиваются без следа, но если ненависть укореняется в душе, она способна сокрушить любые преграды. Большинство свирепых призраков рождаются именно из такого ядовитого семени. Избавиться от подобного проклятия невероятно сложно. Потребуется найти того, кто его наложил. Чтобы разрубить этот узел, Чжоу Туну сначала нужно выяснить, какую именно клятву нарушил Хань Цицин в прошлом.

Но расспросить его удастся лишь после того, как он очнется.

Вдруг с кровати донесся тихий стон. Цицин резко распахнул глаза и, словно вырвавшись из удушливого кошмара, рывком сел на постели.

— Нет! — вырвался у него хриплый вскрик. Он тяжело, загнанно задышал, шаря диким взглядом по комнате.

От резкого рывка игла выскочила из вены, и из прокола на тыльной стороне ладони тут же хлынула кровь.

— Спокойно, — осадил его Чжоу Тун. — Ты без сознания полдня пролежал.

— Я... — Цицин зажмурился. В голове у него еще шумело — давали о себе знать последствия сильного удара. Лишь спустя полминуты он смог сфокусировать взгляд на собеседнике. — Чжоу Тун?

— Он самый, — юноша подкатил столик с медицинским лотком, перехватил запястье приятеля и прижал к кровоточащей ранке спиртовой тампон.

Цицин глухо охнул и рефлекторно дернулся, но Чжоу Тун держал его крепко.

— Потерпи. Крови и так много потерял. Сейчас закончим с этим, и я позову сестру, чтобы заново поставила капельницу.

Цицин послушно затих. Оглядевшись по сторонам, он сипло спросил:

— Мы у Сунов?

— Да, — Чжоу Тун продолжал прижимать вату к его руке. — Что стряслось в горах?

— Тамошний ландшафт устроен крайне причудливо, — нахмурился Цицин. — Артерии дракона пришли в движение. Я отправился осмотреть место разрыва, но стоило подойти ближе, как горы и воды словно восстали против меня. Там чувствуется мощная, почти осознанная воля к самозащите. Не успел я углубиться в ущелье, как начался камнепад. Огромный валун сорвался с кручи и угодил мне прямо в темя. Очнулся я только наутро, погребенный под завалами. Повезло еще, что отделался сотрясением, а не остался там навсегда. Я понял, что соваться дальше — верная гибель, и повернул назад, но по дороге силы иссякли, и я рухнул без чувств.

Вспомнив последние мгновения перед тем, как мир вокруг него погас, Цицин с благодарностью посмотрел на друга:

— Спасибо, что вытащил меня оттуда.

— Пустяки, — отозвался Чжоу Тун, обдумывая рассказ.

Слова Цицина ложились в общую картину, но одна деталь не давала покоя. Что это за враждебность гор? В этот самый момент Дракон и Тигр пробудились, искажая весь фэншуй округи. Что, если их ярость — это попытка защититься от чего-то извне?

В дверь негромко постучали, и в спальню скользнула медсестра:

— Господин Хань, что у вас случилось?

Чжоу Тун уступил ей место:

— Игла сместилась, поправьте, пожалуйста.

— Сейчас все сделаем.

Девушка быстро остановила кровь, наложила повязку и заново подключила систему к другой руке. Отрегулировав скорость капельницы, она направилась к выходу. В дверях она едва не столкнулась с вошедшей гостьей и поспешно уступила дорогу:

— Госпожа Цзэн.

— Добрый день, — рассеянно кивнула та.

Цзэн Жоу несла увесистый термос. Заметив, что больной пришел в себя, она просияла, торопливо подошла к постели и присела на край стула:

— Ох, господин Хань, вы очнулись! Какое облегчение! Как ваше самочувствие? Голова не раскалывается?

Лицо Цицина осталось бесстрастным.

— Все в порядке, — сухо отозвался он. — Спасибо за беспокойство, госпожа Цзэн.

— Я тут приготовила для вас целебный бульон из домашней курицы. Пять часов томился на огне! Я и ягод годжи туда добавила, и сушеных фиников, и дудника — первейшее средство, чтобы кровь восстановить. Выпейте, пока горячий, это мигом на ноги поставит.

Чжоу Тун уступил женщине место у постели. Вежливо улыбнувшись Цзэн Жоу, он обратился к Цицину:

— Уже поздно, пожалуй, я пойду.

— Постой, Чжоу Тун! — поспешно окликнул его Цицин. Он явно колебался, подбирая слова. Скользнув взглядом по застывшей с термосом Цзэн Жоу, он неловко произнес: — Спасибо за заботу, госпожа Цзэн, но у нас с моим коллегой есть срочные дела. Нам нужно кое-что обсудить наедине. Не сочтите за грубость, не могли бы вы ненадолго оставить нас?

Цзэн Жоу заметно побледнела, ласковая улыбка примерзла к ее лицу. Она выдавила из себя натянутый смешок:

— Ох... Ну хорошо. Конечно-конечно, я тогда зайду попозже.

Когда за ней закрылась дверь, Цицин попросил:

— Прикрой дверь поплотнее, пожалуйста.

Чжоу Тун кивнул, выполнил просьбу и снова сел на стул.

Лицо Цицина исказила болезненная гримаса внутренней борьбы. Наконец он решился:

— Чжоу Тун, перед моим отъездом старшие в роду сделали на меня расклад. — Он запнулся и глухо добавил: — Выпала гексаграмма великой гибели. Худшее предзнаменование из возможных.

Чжоу Тун промолчал, ожидая продолжения.

Цицин стиснул зубы:

— Бабушка лично делала предсказание. По ее словам, здесь меня ждет главное испытание всей жизни. Сумею пройти его — совершу великий прорыв, уподобившись карпу, что преодолел Драконьи врата. А если нет... сгину безвременно.

— И расклад не указал пути к спасению?

— В том-то и дело, что нет, — Цицин удрученно покачал головой. — Ни бабушка, ни тетушка ничего не смогли поделать. — Он опустил глаза. — Тетушка перед отъездом дала мне защитный нефритовый диск юйцзюэ. Она уверяла, что если я встречу предначертанного судьбой заступника, способного помочь мне пережить невзгоду, амулет вспыхнет ярким светом. Но я... я потерял его где-то в горах во время оползня.

Чжоу Тун понимающе улыбнулся. Мысленно взвесив все за и против, он негромко произнес:

— Вообще-то, когда мы только познакомились, я тоже кое-что прикинул на твой счет.

Цицин с изумлением воззрился на него:

— И каков был вердикт?

— Сходный с выводами твоей родни. Тебе грозит кровавое бедствие, избежать которого будет невероятно трудно. — Чжоу Тун выдержал паузу и как бы невзначай поинтересовался: — Вспомни, не доводилось ли тебе в прошлом встречать кого-то необычного? Кого-то, кому ты дал

обещание, но так его и не исполнил?

— Необычного человека? Обещание? — Цицин наморщил лоб, пытаясь растормошить память, но в конце концов покачал головой: — Нет. Хотя убей, ничего подобного не припомню.

— Вот как... — Чжоу Тун задумчиво прищурился.

Странно. Быть может, дело было слишком давно, и Цицин попросту позабыл о случившемся? Впрочем, допытываться дальше Чжоу Тун не стал.

С коридора донесся зычный голос Толстяка Дуаня:

— Сяо Тун, пора сматывать удочки! Если не уберемся сейчас, стемнеет. А из-за этих оползней на дорогах завалы, мы вообще не выедем!

— Иду! — отозвался Чжоу Тун.

Он поднялся и ободряюще улыбнулся раненому:

— Отдыхай и не забивай себе голову дурными мыслями.

Цицин благодарно кивнул и, преодолевая слабость, прижал кулак к ладони в традиционном жесте признательности:

— Спасибо тебе за всё.

Чжоу Тун тепло улыбнулся ему на прощание и вышел из комнаты.

Спускаться с крутого склона им пришлось пешком. Дорога тянулась бесконечной лентой, и Толстяк Дуань то и дело уныло ворчал, сетуя на мозоли и усталость. Вдруг Чжоу Тун резко замер посреди тропы.

— Стой, — негромко произнес он. — Что-то здесь не так.

Дуань Чжэн с трудом перевел дыхание и уставился на него:

— А что стряслось?

— Мы спускаемся уже больше часа.

— А ведь верно... — Толстяк опешил. — То-то я чувствую, что ноги подкашиваются. А я еще удивляюсь, почему этой чертовой дороге конца-краю не видно! Неужели нас призрачная стена водит?

— Нет, это не обычный морок, — Чжоу Тун устремил пристальный взгляд на далекие горные хребты.

Очертания склонов по обе стороны от них причудливо изгибались, смыкаясь в плотное, неразрывное полукольцо. У него тревожно забился пульс на виске — дурное предчувствие тяжелым камнем легло на сердце.

— Кольцо Дракона и Объятия Тигра... — глухо произнес Чжоу Тун. — Нас заперли внутри геомантической ловушки. Из этих гор нам не выбраться.

<http://bllate.org/book/18246/1764704>